

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ
НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ**

Москва
ИВ РАН
2015

УДК 94(5)
ББК 66.2(07)+ 66,4(07); -38*63.3
Н84

Ответственные редакторы
В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко

Редколлегия:
Н.М. Мамедова, С.Н. Каменев, С.Ф. Орешкова

Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред.
В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. — М.:
ИВ РАН, 2015. — 488 с.
ISBN 978-5-89282-661-7

Книга посвящена исключительно актуальной и теоретически сложной проблеме нации и национализма в мусульманском мире. Авторы пытаются найти ответы на вопросы, вызванные современной международно-политической ситуацией, выявляют причины и особенности кризиса наций-государств, эволюции системы государственности в ареале к югу от границ России. В сборнике анализируются темы распространения на Ближнем и Среднем Востоке радикальных течений и военизированных движений, разгула терроризма, подъема этнического национализма и сепаратизма. Предложены новые ракурсы в подходе к феномену национализма на мусульманском Востоке, анализу социально-экономического развития государств региона, изучению исторических аспектов национализма, державности и этничности в мусульманской среде. Акцент сделан на политико-идеологической специфике и особенностях социально-политического и социокультурного развития Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, а также Сирии, Ирака, Ливана, Ливии. Особое внимание уделено проблеме курдов и курдского национализма. В книге освещаются важнейшие проблемы международных отношений в нестабильной зоне перекрещивающихся геополитических и экономических интересов региональных и глобальных сил.

Издание адресовано ученым, дипломатам, преподавателям, экспертам, журналистам, аспирантам, студентам, всем, интересующимся современным положением на Ближнем и Среднем Востоке, состоянию и перспективам эволюции одного из наиболее беспокойных регионов мира.

ISBN 978-5-89282-661-7

© Коллектив авторов, 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	8
----------------------	---

Раздел I

Национализм, нации-государства и современная ситуация на Среднем и Ближнем Востоке

<i>Белокреницкий В.Я.</i> Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана).	15
<i>Мамедова Н.М.</i> Социально-экономическая модель Ирана (к вопросу о региональной неравномерности экономического развития)	35
<i>Ульченко Н.Ю.</i> Национальные особенности экономической модели Турции	46
<i>Каменев С.Н.</i> Динамика и перспективы развития национального хозяйства Пакистана	59
<i>Окимбеков У.В.</i> Демографические и экологические проблемы современного Афганистана	75
<i>Малышева Д.Б.</i> Радикальный исламизм как внешнеполитический вызов нациям-государствам Центральной Азии	83
<i>Труевцев К.М.</i> Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств.	93
<i>Косач Г.Г.</i> Палестинский национализм: становление и эволюция.	116
<i>Сарабьев А.В.</i> Халифатисты versus «национально ориентированные» исламисты: к постановке проблемы	130

Раздел II

Исторические аспекты проблемы нации и национализма

<i>Орлов В.В.</i> Самоотождествление в арабском мире: этническое, профессиональное, национальное.	147
<i>Орешкова С.Ф.</i> К вопросу об этнической идентификации мусульманских народов: османский опыт	159
<i>Витол А.В.</i> (Санкт-Петербург). Вхождение Турции в «европейский концерт»: европейское понимание и конфликт с исламом	164
<i>Болдырев А.В.</i> Российский фактор в этнополитических процессах в Османской империи в середине XIX в.	171
<i>Шлыков В.И.</i> Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период	185

<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> Этнос, нация, национализм: иранский взгляд	193
<i>Черешнева Л.А.</i> (Липецк). Региональный мусульманский национализм в Индии в 1947 – 1949 гг. (на примере княжества Хайдарабад)	207

Раздел III

Политико-идеологическая специфика в странах региона

<i>Карякин В.В.</i> Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма	219
<i>Киреев Н.Г.</i> Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции	229
<i>Шлыков П.В.</i> Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты	241
<i>Ягудин Б.М.</i> Кемализм и формирование политико- идеологических основ «Третьей Республики» в Турции	257
<i>Гибадулин И.Р.</i> (Казань). Мортаза Мотаххари и идеология иранского национализма	265
<i>Хас К.</i> (Турция). Проблема выбора национальной идеологии Кыргызстана и Таджикистана после обретения независимости.	278

Раздел IV

Национальные особенности современного социально-политического и культурного развития

<i>Сажин В.И.</i> Национально-психологические особенности населения Ирана	291
<i>Каменева М.С.</i> Персидский язык как фактор национальной интеграции Ирана	297
<i>Серенко И.Н.</i> Урдуизация пакистанской системы образования как составная часть национальной политики государства	303
<i>Замараева Н.А.</i> Армия и демократические институты в современном Пакистане	312
<i>Лукьянов Г.В.</i> Регулярная армия как институт национального государства в Ливии	328

Раздел V

Этнический национализм и этнические движения

<i>Рыжов И.В., Бородина М.Ю.</i> (Нижний Новгород). Этнические проблемы в современном Иране	345
<i>Вертяев К.В.</i> Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии	361

<i>Гаджиев А.Г.</i> Проблемы национальных меньшинств в Турции (по материалам отчетов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству)	375
<i>Нессар М.О.</i> Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане	379
<i>Горбунова Н.М.</i> Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора	384

Раздел VI

Исламский фактор и тенденции развития международных отношений в регионе

<i>Иванова И.И.</i> Турция на Ближнем Востоке: концепции реагирования на вызовы региональных акторов	393
<i>Свистунова И.А.</i> Отношения Турции с Иракским Курдистаном в контексте процесса трансформации понятия национальной идентичности в Турции	403
<i>Петросян В. (Армения).</i> Перспективы сотрудничества Турции и Регионального правительства Курдистана	413
<i>Уразова Е.И.</i> Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский Совет) — новое интеграционное объединение в Евразии . . .	429
<i>Федорова И.Е.</i> Элементы паниранизма во внешней политике Ирана	437
<i>Махнёв С.Д. (Нижний Новгород).</i> Реакция нерегиональных игроков на первый этап «арабской весны» в Египте	443
<i>Мелкумян Е.С.</i> Совет сотрудничества арабских государств Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов	455
<i>Волкова С.Л.</i> Экономическое сотрудничество Турции и республик Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением	465
<i>Сучков М.А. (Пятигорск).</i> Влияние ИГИЛ на российский Северный Кавказ	479
Contents	485

Г.В. Лукьянов*

РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ КАК ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЛИВИИ

Резюме. Статья посвящена исследованию генезиса регулярной армии как политического института в условиях смены и трансформации политического режима в Ливии. Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с 1951 г., когда появилось суверенное ливийское государство с монархической формой правления, до 2011 г., когда прекратила свое существование созданная М. Каддафи Ливийская Джамахирия. Рассматриваются проблемы взаимодействия армии с традиционными и современными институтами ливийского общества и государства; ее участия в разработке и реализации внутренней и внешней политики; создания и функционирования системы сдержек и противовесов участия армии в политическом процессе в монархический (1951–1969), республиканский (1969–1976) и джамахирийный (1976–2011) периоды. На примере событий 2011–2014 гг. прослеживается сохранение выявленных тенденций и закономерностей социально-политического развития института регулярной армии в новом ливийском государстве.

Ключевые слова: Ливия, политическая система, армия, безопасность, революция, трибализм, политический ислам.

Summary. The article is devoted to the investigation of genesis of regular army as a political institution in conditions of political transit and transformations in Libya. The chronological scope of the study covers the historical period from 1951, when a sovereign Libyan state with monarchical form of government appeared, until 2011, when Libyan Jamahiriya ceased to exist. The author scrutinizes the problems of collaboration of army with traditional and modern institutions of Libyan society and state; participation of army in development and implementation of domestic and foreign policy. He also examines how system of checks and balances of participation of army in the political process was established and how it was functioning during in the Monarchy (1951–1969), Republic (1969–1976) and Jamahiriya (1976–2011). Further events (2011–2014) demonstrate the continuation of discovered trends and patterns of socio-political development of the regular army institution in the new Libyan state.

Tags: Libya, political system, army, security, revolution, tribalism, political Islam.

2014 г. в Ливии был ознаменован началом нового этапа внутреннего военно-политического противостояния, когда в результате затянувшегося кризиса центральных органов власти образовались два независимых общегосударственных парламента и правительства. Причем и Всеобщий нацио-

* Лукьянов Григорий Валерьевич, научный сотрудник НИУ ВШЭ.

нальный конгресс (ВНК), избранный летом 2012 г. в результате первых всеобщих выборов¹, и Палата представителей (ПП), сформированная по итогам избирательной кампании 2014 г.², опирались на противоположные друг другу политические силы, декларировали приверженность кардинально отличным идеологическим установкам и направлениям дальнейшего развития государства и общества. То есть впервые с 2011 г. на фоне хаоса бессистемных локальных конфликтов, в основе которых лежала борьба за обладание средствами производства и источниками дохода, а основными участниками выступали местные элиты, военизированные группировки, племенные и этнические обособленные объединения, в ливийском кризисе обозначилась тенденция формирования биполярного противостояния. Все еще далекие от внутреннего единства и гомогенности лагеря сторонников ВНК и ПП продемонстрировали, что способны объединить различные по политическим взглядам и региональной принадлежности фракции и совместно отстаивать общие интересы.

Особую роль в разгоревшемся противостоянии сыграла Ливийская национальная армия (ЛНА), созданная в 2011 г. после роспуска Революционных вооруженных сил Ливийской Джамахирии (РВС). Весной 2014 г. ряд высокопоставленных руководителей ЛНА объявили о своем намерении предпринять военную операцию «Достоинство», направленную против исламистских движений и группировок³. Речь шла не только о тех радикальных джихадистских объединениях, что составляли так называемую антисистемную оппозицию, но и о зарегистрированных и имевших представительство в парламенте и правительстве политических партиях⁴. После выборов депутатов ПП армейское руководство и ряд ассоциированных с ним военных авторитетов и политиков выразили доверие новоизбранному парламенту, признав его единственным легитимным высшим органом власти в стране. Несмотря на то что некоторые командиры ЛНА сохранили лояльность ВНК, отказавшемуся передать власть Палате и новому правительству, последние стали активно использовать в своей политической риторике тезис о том, что регулярная армия как государствообразующий политический институт выступила за новую конституцию и Ливию «без исламистов». Несмотря на то что Верховный суд страны выступил в поддержку старого парламента, а новый — объявил нелегитимным⁵, международное сообщество признало ПП и сформированное ею правительство Абдуллы ат-Тани единственными легитимными представителями воли ливийского народа. Обострение летом 2014 г. военно-политического противостояния, повлекшее вынужденное отступление сторонников ПП из Триполи и сохранение в столице власти ВНК, привело к тому, что конфликт обрел затяжной характер.

В данных условиях все большую роль в определении судьбы государства и с той и с другой стороны начали играть не просто военные и полевые командиры, но те из них, кто претендовал быть признанным в качестве командования регулярной национальной армии. Особую актуальность в этом контексте приобрел вопрос, вызвавший бурные дискуссии в самой Ливии и за ее пределами, является ли регулярная армия эффективным политическим институтом воссоздания и стабилизации национального государства в этой стране. А именно, существуют ли исторические основания считать опыт уча-

ствия регулярной армии в ливийской политике позитивным с точки зрения складывания и функционирования национального государства.

Монархический период (1951–1969)

Вооруженные силы с момента обретения независимости в 1951 г.⁶ были призваны не только обеспечивать военную безопасность Ливии от внешних угроз, но также служить и гарантом единства составных частей страны⁷ и стабильности власти⁸. Объединенное Королевство Ливия (ОКЛ) в первые годы своего существования, тем не менее, оказалось вынуждено рассчитывать в решении данных задач на внешнюю помощь. В первую очередь — со стороны Великобритании, Франции и США, сыгравших решающую роль в избавлении от итальянского колониализма. На территории Триполитании (с 1942 г.) и Киренаики (с 1943 г.) были созданы временные администрации, а также размещены иностранные воинские контингенты. При согласии и поддержке королевской власти пребывание британских и американских военных баз было институционализировано и легализовано вопреки протестам широких слоев населения.

С точки зрения Вашингтона и Лондона⁹, военные базы обеспечивали стабильность дружественного политического режима и препятствовали распространению коммунизма и арабского национализма в регионе, а элита ОКЛ воспринимала их как надежную гарантию собственной безопасности. Усиление антиколониальных настроений в арабских и африканских странах, арабо-израильский конфликт, нестабильность на границах заставляли сенуситов опасаться вовлечения королевства в региональные конфликты. После египетской революции (1952), подъема национальных сил в Алжире (1954) и Суэцкого кризиса (1956) ливийское правительство выступало с инициативой усиления британских гарнизонов вопреки массовым публичным протестам¹⁰.

В свою очередь, собственная королевская армия не отличалась ни лояльностью, ни эффективностью. В условиях примата традиционных отношений и отсутствия государственной системы военной подготовки¹¹ высокий уровень племенной разобщенности не лучшим образом сказывался на порядке ее функционирования. Преданность интересам племени превалировала над идеей лояльности государству¹². Кроме того, в первые годы существования ОКЛ в составе регулярных войск наиболее подготовленные и дисциплинированные солдаты являлись ветеранами итальянских «туземных» частей, воевавших против сенуситских ополчений¹³. Таким образом, Идрис и его окружение могли рассчитывать на полную лояльность рекрутов из Киренаики, но лишь на частичную — из двух других провинций.

Во второй половине 1950-х гг. на волне популярности идей арабского национализма и личности египетского президента Г. Насера в вооруженных силах начали складываться представления об армии как о специфической корпорации, обладающей особой исключительностью и мессианским предназначением. Распространение подобных настроений способствовало выделению офицерского корпуса в самостоятельную группу государственной элиты и ослаблению некоторых связей между ним и племенной верхушкой. Но при этом идеализация египетского революционного опыта способствова-

ла созреванию антимонархических настроений и формированию революционных кружков в ВС¹⁴. Из угрозы правящей семье и элите ВС превратились в потенциального противника формы правления и всей политической системы.

В противовес армии королем и правительством были созданы неподчиненные военному командованию отряды региональной военизированной милиции. В каждой из трех территорий была набрана провинциальная милиция из представителей местных племен. По данным Х. Маттеса, общая численность сил обороны к 1965 г. составляла порядка 13 тыс. человек, тем самым превышала соответствующий показатель регулярной армии (6–7 тыс.)¹⁵. Наиболее многочисленными и хорошо вооруженными оказались «Силы обороны Киренаики» (СОК). Несмотря на близость к власти, милиция была недисциплинирована и ненадежна. Опыт ограниченного применения «добровольцев» из СОК во время конфликта в соседнем Чаде, когда ливийские сенуситы решили оказать поддержку кочевым мусульманским племенам (тубу) в их противостоянии с христианским правительством Ф. Томбалбая¹⁶, показал их сравнительно низкую эффективность.

Система сдержек и противовесов развивалась и трансформировалась с учетом изменения характера внешних и внутренних угроз. Наличие дружественного воинского контингента Великобритании и США являлось определяющим фактором обеспечения военной безопасности ОКЛ и предотвращения возникновения реальной угрозы со стороны соседних государств. Хотя основной целью ливийской регулярной армии являлось обеспечение внутренней безопасности, в 1960-х гг. она превратилась из инструмента централизации и борьбы с сепаратизмом в потенциальную угрозу для действующего режима. Попытки правящей элиты лишить армию легитимного монопольного права на осуществление насилия способствовали ее консолидации, превращению в специализированную корпорацию. Создав институт территориальных сил обороны и сделав на него ставку, королевская власть сама выстроила преграду на пути консолидации страны и настроила армию против себя.

Республиканский период (1969–1977)

Сентябрьская революция 1969 г. продемонстрировала политическую зрелость офицерства¹⁷. Молодые офицеры сформировали Совет революционного командования (СРК), высший орган революционной власти, и отстранили от управления вооруженными силами высший командный состав, являвшийся частью политической элиты ОКЛ. Тем не менее в состав первого правительства ЛАР в качестве министров обороны и внутренних дел вошли полковник Аддам Хавваз и майор Муса Ахмед, не входившие в состав свершившей переворот организации «свободных офицеров»¹⁸.

Радикальный характер продекларированных СРК реформ стал причиной нарастания противодействия со стороны различных политических групп и фракций. Дабы предотвратить контрреволюционный путч, СРК монополизировал власть над военными ресурсами. Королевская армия была реформирована в Революционные вооруженные силы (РВС), подчинявшиеся напрямую Совету, а территориальная милиция, на которую делали ставку иерархи прежнего режима и местные элиты, — разоружена. Неоценимую помощь в

организации и снабжении РВС оказало правительство соседнего Египта¹⁹, первым признавшее легитимность СРК²⁰. Египетская кампания в поддержку М. Каддафи и его сторонников позволила последним подавить очаги сопротивления в крупных городах. В этих локальных стычках противники нового режима опирались на территориальную милицию. Тем не менее племенная разобщенность и отсутствие взаимодействия между провинциями придали сопротивлению очаговый характер, сделав тем самым его уязвимым перед хорошо вооруженными и организованными (в том числе египетскими офицерами) отрядами РВС²¹.

К концу 1969 г. по обвинению в государственной измене были арестованы А. Хавваз и М. Ахмед²². Легкость, с которой были проведены аресты, продемонстрировала высокую степень контроля СРК над вооруженными силами, основой которого была «Организация свободных офицеров юнионистов-социалистов» (ОСОЮС)²³, объединявшая не только средних и младших офицеров, но и рядовых солдат.

После роспуска первого республиканского правительства в январе 1970 г. новый кабинет возглавил лично М. Каддафи, глава ОСОЮС и председатель СРК: начался процесс сращивания этих двух структур с государственным аппаратом. Армия, которую возглавляли и олицетворяли в этот момент 12 членов СРК, приняла непосредственное участие в формировании органов управления, законодательной деятельности, выработке и реализации внутренней и внешней политики государства. Иные политические силы (БААС, коммунисты, «братья-мусульмане», сенуситы) были отстранены от процесса принятия политических решений на государственном уровне, а затем и участия в публичной политике. Летом 1971 г. под эгидой и покровительством СРК была создана первая в истории страны массовая политическая организация — Арабский Социалистический Союз (АСС)²⁴, призванная консолидировать общество, мобилизовать общественную поддержку и легитимизировать политику правительства²⁵. АСС последовательно вытеснял либо поглощал альтернативные политические силы, действовавшие в стране, а после принятия в 1972 г. закона о запрете партийно-политической деятельности вне его структуры стал единственной общественной организацией.

В течение первых пяти лет существования республики зародились конфликты среди представителей революционной элиты, сыгравшие решающую роль в развитии институционального кризиса внутри политической системы в целом. Численность РВС неуклонно росла ввиду изменения геополитической обстановки вокруг Ливии и изменения роли армии в ее обществе. Х. Маттес отметил следующую динамику: «Численность вооруженных сил выросла с 7 тыс. в 1969 г. до 20 тыс. в 1973 г., 55 тыс. — в 1982 г., и 86 тыс. человек — в 1988 г.»²⁶. Значительно улучшилось и материально-техническое обеспечение РВС за счет поставок вооружений из арабских (Египет), западно- (Франция) и восточноевропейских (СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия) стран. Изменение баланса между военными и гражданскими привело к кризису в отношениях между этими категориями.

АСС, а также создававшиеся с 1972–1973 гг. территориальные народные комитеты выступали в качестве проводников фундаментальных реформ, призванных изменить хозяйственно-экономическую структуру и социально-политическое устройство ливийского общества. Будучи инициированы

М. Каддафи и его сторонниками, они, тем не менее, не встретили единодушной поддержки в офицерской среде. Радикальный характер преобразований шел вразрез с «египетской моделью» Г. Насера, отличался от «баасистского» проекта в Ираке и Сирии. Риторика первого лица государства была насыщена не только «левацкими перегибами»²⁷, но и концептами, присущими главным оппонентам светских арабских националистов — поборникам идей исламского возрождения, «братьям-мусульманам»²⁸. Это не могло не настроить против него идейных насеристов и баасистов и спровоцировать их на открытое выступление. Попытка военного переворота, предпринятая членами СРК во главе с Омаром аль-Мохейши в 1975 г., была тщательно спланирована и даже поддержана частью офицерского состава, но все же провалилась²⁹.

Причин, почему достаточно многочисленная группа военных руководителей, имевшая сторонников на всех уровнях армейской вертикали и лояльные воинские подразделения, потерпела поражение, когда лишь несколькими годами ранее подобное объединение смогло свергнуть ливийскую монархию, несколько. Несмотря на тесную связь между армейским командованием и правящим режимом, последний начиная с 1973 г. приступил к планомерной диверсификации институтов, на которые он опирался, и созданию развитой системы сдержек и противовесов между ними.

Во исполнение концепции М. Каддафи о вооруженном народе³⁰, обязательном самостоятельно защищать свою страну и свой народ, в 1974 г. был принят закон «О базовой военной подготовке». По сути, он являлся законодательным закреплением выдвинутой еще в 1971 г. идеи создания Сил народного сопротивления (СНС). К началу 1980-х гг. в СНС входили до 45 тыс. человек³¹. В отличие от территориального ополчения сенуситов, формировавшегося на провинциальном уровне, революционная милиция имела более разветвленную структуру, четкую систему организации и субординации, конкретный набор зафиксированных целей и функций. Принципиальное отличие новой милиции, сделавшее ее надежным инструментом сдерживания армии, заключалось в ее включенности наравне с реформированной полицией, таможней в структуру Министерства внутренних дел (МВД)³², получившего контроль над собственными вооруженными формированиями. По сравнению с дореволюционным периодом структуры МВД выросли количественно и развились качественно, что противопоставило их вооруженным силам.

Особое место в системе обеспечения стабильности политического режима заняла новая система служб государственной безопасности. Как и в случае с МВД, в 1970-х гг. их штат значительно вырос, кардинальным образом при участии советников из ГДР³³ была пересмотрена организационная структура и методы работы³⁴. К 1975 г. было создано Информационное Бюро (ИБ) при председателе СРК, осуществлявшее контроль за деятельностью разведывательных, контрразведывательных подразделений и политической полиции.

Не менее важной оказалась ОСОЮС, продолжавшая функционировать в качестве неформального объединения ветеранов Сентябрьской революции³⁵. Популярность М. Каддафи среди рядовых бойцов революции была куда выше, чем среди его бывших соратников, долгое время считавшихся равными ему. Организация стала опорой своего лидера в войсках на низовых уровнях, на местах. На протяжении 1970-х гг. поддержка ОСОЮС позво-

ляла М. Каддафи не опасаться повторения событий 1969 г. уже против его собственного режима.

Монопольное право на поддержание внутренней безопасности, взятое на себя армией после Сентябрьской революции, перестало быть таковым. Значительно окрепли альтернативные силовые структуры в рамках МВД (СНС, полиция), появились новые институты государственной безопасности (Информационное Бюро), отделенные от РВС. СРК создал себе опору в невоенном, гражданском, секторе в виде АСС и народных комитетов на местах. Уже в середине 1970-х гг. особая роль армии как основного института, ответственного за модернизацию и развитие государства, его стабильное функционирование, несмотря на декларацию обратного, ослабла. Тем не менее острая внешнеполитическая ситуация — обострение отношений с ближайшими соседями и бывшими союзниками Египтом³⁶ и Суданом³⁷; вовлечение Ливии в конфликты на территории Уганды, Чада, Эфиопии, Западной Сахары, стран Сахеля; перманентное осложнение отношений с соседями по Магрибу (Алжир, Тунис) — способствовала тому, что армия продолжала оставаться влиятельной силой. Рост прибыли от экспорта нефти позволил ливийскому руководству вложить небывалые по объему средства в ее развитие³⁸ и превратить в весомый фактор региональной безопасности в Африке³⁹.

Дальнейший рост РВС нивелировал внутренний «сдерживающий» фактор ОСОЮС в том виде, в каком он был эффективен ранее. Оставаясь элитарным клубом участников Сентябрьской революции, организация не имела перспектив роста, в то время как офицерский корпус увеличивался из года в год. Тем не менее она сыграла решающую роль в трансформации ЛАР в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию (СНЛАД) в 1976–1977 гг., а также в формировании базового института политического контроля новой политической системы — революционных комитетов (РК, или ревкомов).

Период Джамахирии (1977–2011)

В условиях режима «правления масс» управляемые наделялись правом и обязанностью контроля над деятельностью управляющих. Народу Джамахирии были даны инструменты самоорганизации (народные конгрессы и народные комитеты), а инструментом политического контроля стали ревкомы, подчиненные напрямую Лидеру Революции М. Каддафи. Их изначальный костяк составили активисты ОСОЮС, а объектом контроля явились вооруженные силы⁴⁰. Первые военные ревкомы возникли уже в 1976 г., а в 1980-х гг. на волне роста милитаристских устремлений высшего руководства страны и активного вовлечения ВС СНЛАД в чадский конфликт их власть в армии стала практически абсолютной. Они были призваны обеспечить политическую лояльность РВС режиму и продуцируемой им идеологии⁴¹, что было крайне необходимо ввиду непопулярности чадской кампании, обострения отношений с западными странами и соседями по региону.

Вскоре РК обзавелись собственными военизированными подразделениями, военными базами и гарнизонами. Вместе с разросшимся аппаратом специальных служб ревкомы создали параллельную иерархию власти и военную силу, неподотчетную ни армейскому командованию, ни официальным институтам народной власти (в том числе и Всеобщему народному

конгрессу). Монополия РВС на обеспечение военной безопасности страны, их особая роль как гаранта существования государства и функционирования политической системы к концу 1980-х гг. осталась лишь формальностью, хоть и закреплённой в основополагающих государственных документах, но оспариваемой реальным положением дел.

Помимо того, что в армии появились институты внешнего контроля, а ее эксклюзивные функции перестали быть таковыми, когда были переданы ряду других структур, идеология «вооруженного народа» поставила под вопрос само существование регулярных вооруженных сил. Поражения, которые понесли ВС СНЛАД в Чаде, привели к краху мифа о военной мощи Зеленой Революции. Сами ливийцы уже не горели желанием воевать за пределами собственной страны, военная служба утратила былую привлекательность⁴². Неспособность регулярных войск защитить территорию и население от американских бомбардировок в 1986 г.⁴³ убедила на определенный период времени высшее политическое руководство в целесообразности пересмотра основ военной доктрины. В условиях, когда падающие цены на нефть значительно сократили финансовые возможности государства и сделали нецелесообразным (с учетом низкой эффективности) воссоздание былой (до провала военной кампании в Чаде) военной мощи, ставка СНЛАД в вопросе военного обеспечения безопасности была сделана на партизанскую стратегию. В рамках масштабной военной подготовки населения регулярная армия должна была превратиться в учебный центр для созданного народного ополчения и милиции⁴⁴.

Решающую роль в ослаблении армии как самостоятельного политического института сыграла также проблема лидерства. В начале 1970-х гг. произошло слияние высшего военного и гражданского руководства, а после преобразования ЛАР в СНЛАД хотя Каддафи и перестал занимать формальные посты в системе гражданских властей, избрав для себя роль Лидера Революции, он сохранил за собой пост верховного главнокомандующего. При этом его ближайшие соратники из числа лидеров ОСОЮС и СРК заняли ведущие позиции в ВС: Абу-Бакр Юнис Джабер — командующего ВС, Мустафа аль-Харруби — начальника кадровой службы Главного командования и директора Службы военной разведки, Хувейлди аль-Хмеиди — генерального инспектора ВС, а до того ответственного за реализацию политики «вооруженного народа»⁴⁵. Эти люди занимали высшие посты в армии в течение многих лет благодаря своей принадлежности к близкому кругу друзей и соратников Верховного Лидера. Чуть ниже по командной лестнице находились многочисленные кровные и племенные родственники высших иерархов режима, принадлежащие к племенным союзам варфалла, магарха и каддафа⁴⁶. Проблема трайбализма и клиентельных отношений в ВС остро стояла на пути выстраивания механизмов самообновления регулярной армии и ее самостоятельно здорового развития как политического института.

К началу 1990-х гг. регулярная армия из опоры режима и гаранта стабильности в государстве вновь превратилась в источник внутренней нестабильности и потенциальной угрозы для политического режима. Несмотря на введение ограничений на деятельность ревкомов в 1988–1989 гг. на волне экономической либерализации, ситуация в вооруженных силах оставалась взрывоопасной. На фоне сокращения финансирования (особенно после введения в

1992 г. международных санкций)⁴⁷ в войсках сложилась благоприятная среда для распространения антиправительственных настроений. Влияние таких оппозиционных организаций, как Национальный фронт спасения Ливии (НФСЛ), заметно возросло, что вылилось в серию локальных бунтов в гарнизонах, а также участию военных в подготовке покушений на жизнь М. Каддафи⁴⁸.

В 1993 г. была раскрыта подготовка крупномасштабного антиправительственного заговора военных, в основе которого лежало вызванное рядом причин недовольство в среде военнослужащих. Во-первых, неприятие офицерским и рядовым составом понижения социального статуса военнослужащих на фоне укрепления позиций сотрудников спецслужб, ревкомов и независимых воинских формирований (Исламский легион, Гвардия Революционных комитетов и т. д.). Во-вторых, общее снижение уровня материального благосостояния в условиях экономического спада: в отличие от представителей перечисленных привилегированных категорий военнослужащие ощутили на себе сокращение экономических возможностей государства⁴⁹. В-третьих, на фоне сложной внешнеполитической и экономической ситуации и продолжающегося демографического роста, в том числе и в армии, обострились отношения между племенными союзами, на которые ранее опиралась правящая элита⁵⁰. События 1993 г. привели к громким отставкам представителей крупнейшего союза ливийских племен варфалла.

ВС СНАД оказались не готовы своевременно и эффективно реагировать на новые угрозы безопасности, количество которых значительно выросло после завершения «холодной войны» и распространения исламизма в регионе. С 1995 по 2011 г. Джамахирия оказалась вовлечена в борьбу с джихадистским движением в Магрибе, Сахеле и на собственной территории. Вооруженная ливийская оппозиция в этот период тесно сблизилась с исламистскими организациями и получила поддержку из Алжира, Судана, Ирака, Афганистана и Пакистана⁵¹. Основную роль в отражении военного вторжения исламистов в Ливию в 1995–1999 гг. взяли на себя не армейские подразделения, а Исламский легион, СБД и племенные ополчения⁵².

После отмены международных санкций и восстановления отношений со странами Запада в 2003–2005 гг. военные расходы бюджета Джамахирии (в контексте новой экономической политики⁵³) так и не достигли уровня 1980-х гг. Значительно замедлился процесс перевооружения, снизился уровень социального обеспечения военнослужащих. Все это лишь подтвердило утрату армией той роли, которую она играла в жизни страны в течение первых двух десятилетий после революции. В результате, когда в феврале 2011 г. в Ливии начались антиправительственные выступления, вызванные событиями так называемой «арабской весны» или «арабского пробуждения» в Тунисе и Египте, ливийские ВС оказались полностью не готовы к активным действиям.

Гражданская война (2011)

Дестабилизация социально-политической обстановки в 2011 г. выявила все те «болезни» политической системы, что сформировались за десятилетия существования «безгосударственного» общества. Зависимость исполнительных органов власти от единственного центра принятия решений, т. е. Лидера М. Каддафи и его окружения, привела к нарушению порядка его функциони-

рования в экстремальных условиях кризиса. Примечательно, что СБД и РК провели аресты всего генералитета и Главного командования ВС в Триполи сразу же после поступления информации о беспорядках на северо-востоке, заподозрив именно их в намерении осуществить переворот⁵⁴. Лишенные центрального командования местные армейские гарнизоны, в течение десятилетий подвергавшиеся чисткам за излишнюю политическую активность, не проявили должной инициативы для пресечения беспорядков. Армия не смогла помешать созданию в Бенгази оплота вооруженной оппозиции и оказала пассивное содействие экстремистам, допустив захват армейских складов.

Структуры Народного комитета внутренних дел (МВД) также лишились центрального управления, поскольку возглавлявший их Абдель Фаттах Юнис присоединился к восставшим. Многочисленные военизированные формирования, создававшиеся в рамках этого ведомства с начала 1970-х гг., оказались также парализованы. Вновь, как и в 1995 г., основное бремя в обеспечении безопасности взяли на себя элитные подразделения, подчиненные Лидеру Революции и Бюро по разведке⁵⁵. Эти формирования наголову разбили мятежников и блокировали их основные силы в Бенгази уже в середине марта 2011 г., но введение резолюцией СБ ООН бесполётной зоны над Ливией, по сути, легализовало военное вмешательство иностранных государств⁵⁶. Против массированного наступления ВВС НАТО и региональных союзников ливийская армия оказалась также малоэффективна, но уже по другим причинам. Реабилитированное военное командование так и не смогло восстановить контроль над войсками на всей территории страны. На боевую эффективность ВС и их моральное состояние повлияла скудность вверенной им материальной базы⁵⁷.

К лету 2011 г., когда при поддержке иностранной авиации повстанческий Переходный национальный совет (ПНС) провел наступление на столицу, штатная структура подразделений регулярной армии была полностью пересмотрена: большая часть боеспособных подразделений представляли собой гибридные соединения, каждое из которых включало в себя военнослужащих элитных войск СНБ и РК, регулярной армии и ополчений лояльных племен. Такая форма организации позволила увеличить количество эффективных и одновременно политически благонадежных вооруженных формирований, когда довоенные структуры продемонстрировали полную беспомощность в условиях гражданской войны. Но после смерти М. Каддафи в октябре 2011 г. в рядах сторонников режима произошел слом: значительная часть политической элиты, в том числе члены семьи Лидера, покинула территорию страны, другие либо перешли на сторону ПНС, либо эмигрировали, либо были изолированы. Когда сторонники Джамахирии из защитников власти превратились в оппозицию новому режиму, они оказались вынуждены перейти к партизанским методам борьбы, а регулярная армия СНАД прекратила свое существование как организационная структура и политический институт.

Государство Ливия (2011–2014)

На протяжении 42 лет пребывания М. Каддафи у власти в результате последовательной политики государства ослабевала политическая самостоятельность регулярной армии, а с 1980-х гг. сокращалась и ее боевая готов-

ность, способность обеспечивать военную безопасность, а также репутация внутри и за пределами страны. Тем не менее опасения, проявляемые властной элитой, имели под собой реальные основания, ведь начиная с успешного антимоноархического заговора, увенчавшегося революцией 1969 г. и приведшего к власти режим М. Каддафи, попытки вмешательства военных в политический процесс стали регулярными. Притом что мотивы антиправительственных выступлений в офицерском сообществе и среди рядового состава ВС различались — от личного неприятия высшего руководства страны и проводимого им политического курса до племенных разногласий и неудовлетворенности собственным социально-экономическим положением, — характер угроз, исходящих от армии в целом, был неизменен и во время путча А. Хавваза (1969), заговора О. Мохейши (1975) и событий 1993 г. Политические амбиции создали в офицерском корпусе благоприятную среду для деятельности оппозиционных организаций (Национальный фронт освобождения Ливии и др.) и складывания собственных антиправительственных кружков и объединений, с одной стороны, и коррозии барьеров, отделявших армию как институт модернизации от племен на локальном уровне — с другой. В результате к началу 2000-х гг. регулярная армия окончательно и бесповоротно утратила свою исключительную роль в жизни ливийского государства, отдалившись от режима и сблизившись с племенами.

Новые вызовы и угрозы, возникшие ввиду распространения идеологии радикального исламизма в регионе после революции в Судане (1989), гражданской войны в Алжире (1991–2002), войн в Ираке (2003–2011) и Афганистане (1992–1996, 1996–2001, 2001–2014), требовали конкретных мер по укреплению системы государственной безопасности. Противостояние регулярным армиям и участие в крупномасштабных боевых действиях на собственной или чужой территории в этой связи более не рассматривалось в Триполи в качестве реалистичного сценария развития в XXI в. Новым основным врагом ливийской государственности стали международный терроризм и исламистский экстремизм, обладающие специфическими организационными формами и методами военно-политической активности. Решающая ставка была сделана на укрепление политически благонадежных элитных военизированных подразделений, подчиненных руководству страны напрямую. Подкрепленные ополчениями лояльных племен, эти формирования были основой системы безопасности Ливии в первом десятилетии 2000-х гг., в то время как регулярной армии отводилась явно второстепенная роль.

В течение периода действия санкций военная служба в ливийской армии оставалась крайне непопулярной, потому как не сулила ни высокого заработка, ни повышения социального статуса, но сопровождалась рисками. Дискредитация службы привела к оттоку из рядов ВС значительного количества представителей коренного местного населения и притоку мигрантов из стран Сахеля. Обострение хозяйственных экономических споров между «новыми» и «старыми» гражданами Джамахирии стало причиной ожесточения межэтнических и межрасовых столкновений в рядах ВС.

Вопреки надеждам, возлагаемым международным сообществом на новую Ливийскую национальную армию как основу коалиции сил под эгидой Палаты представителей в конфликте с исламистами в 2014 г., следует учитывать особенности опыта участия армии во внутривосточной жизни страны.

Необходимо брать в расчет ее высокую степень зависимости от всех видов поддержки со стороны иностранных государств и международных организаций ввиду сложной социально-экономической и логистической ситуации (в частности, отсутствия собственной производственной базы). Успех «молодых офицеров» в 1969 г. во многом был обеспечен морально-политической, организационной и материально-технической помощью со стороны соседнего Египта. В 2014 г. надежды многих наблюдателей и участников политического процесса были связаны не только с получением ЛНА припасов и оружия от иностранных союзников, но и с возможностью развертывания последними военной операции на ливийской земле. В первую очередь эти ожидания были связаны с Египтом (приход к власти в котором бывшего военного министра маршала Абель Фаттах ас-Сиси был встречен в ПП с большой радостью и воодушевлением), но также правительство А. ат-Тани в 2014 г. неоднократно обращалось с предложениями об интервенции к Алжиру, а также международным организациям: ООН, ЛАГ, ССАГПЗ, ЕС и АС.

Для эффективного функционирования ЛНА определяющим является вопрос лидерства. В 2011–2014 гг. продолжалась ожесточенная конкурентная борьба за руководящие посты в структуре ЛНА и министерства обороны. Так и не закончившись, она лишь ослабила армию и затруднила ее восстановление в качестве профессиональной корпорации. В 2014 г. на первом плане оказалась фигура генерала Халифы Хафтара, выступившего от имени ЛНА в поддержку кабинета А. ат-Тани (ранее министра обороны в кабинете Али Зейтана) и ПП, а также объявившего о начале операции «Достоинство» против исламистов. Многие национальные и зарубежные СМИ поспешили назвать Хафтара национальным лидером и наделить его полномочиями диктатора. Хотя правды в том, что написано о Хафтаре, не так уж и много, под его руководством разрозненные силы ЛНА и их союзников стали действовать куда более организованно и слаженно, получили определенную поддержку со стороны иностранных союзников и смогли нанести своим оппонентам ряд существенных ударов.

Таким образом, идея опоры на регулярную армию как инструмент построения современного национального государства в Ливии имеет под собой реальные основания, так как данный институт в течение длительного периода времени играл важную роль в политическом процессе. При этом степень эффективности исполнения армией социально-политических функций находится в прямой зависимости от ее способности к самоорганизации в качестве профессиональной корпорации, независимой от традиционных общественных институтов и обладающей, таким образом, привлекательностью для поддержки со стороны собственного населения, а также соседних государств и международных организаций. Тем не менее, как показывает ливийский исторический опыт, выстраивание широкой системы институтов сдержек и противовесов остается единственным эффективным способом предотвращения узурпации власти представителями военной элиты.

Примечания

- ¹ Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое восточное обозрение. 2012.
- ² Final Results for House of Representative elections announced // Libya Herald, 21.06.2014.
- ³ Зинин Ю. Ливия: на пороге нового обострения? // Новое восточное обозрение, 28.05.2014.
- ⁴ Ashour O. *Libyan Islamists Unpacked: Rise, Transformation, and Future*. Doha, 2012; Лукьянов Г.В. Радикальные исламские движения в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки. М., 2015. С. 302–328.
- ⁵ Прокофьев П. СМИ: Верховный суд Ливии постановил распустить парламент // ТАСС, 06.11.2014.
- ⁶ Bills S.L. *The Libyan Arena: The United States, Britain, and the Council of Foreign Ministers, 1945–1948*. Kent, 1995.
- ⁷ Егорин А.З., Миронова Г.В. *Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.)*. М., 2006. С. 221–234.
- ⁸ Подробнее см.: Khaddury M. *Modern Libya: A Study in Political Development*. Baltimore, 1963.
- ⁹ Worrall R.J. The strategic limitations of a Middle East client state by the mid-1950s: Britain, Libya and the Suez Crisis // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30. № 2. P. 309–347.
- ¹⁰ Pargeter A. Anglo-Libyan relations and the Suez crisis // *The Journal of North African Studies*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 41–58.
- ¹¹ Кудряшов В.В. *Армия в политической системе Ливии (1951–1988 гг.)*. Диссертация кандидата исторических наук. М., 1989. С. 5–6.
- ¹² Подробнее см.: El Fathaly O., Palmer M., Chakerian R. *Political Development and Bureaucracy in Libya*. Toronto, 1977.
- ¹³ Anderson L. *The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830–1980*. Princeton, 1986. P. 252–254.
- ¹⁴ Егорин А.З. *Ливийская революция*. М., 1989. С. 10–14.
- ¹⁵ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. Geneva, 2004. P. 1–2.
- ¹⁶ Neuberger B. *Involvement, Invasion and Withdrawal: Qadhafi's Libya and Chad 1969–1981*. Tel-Aviv, 1982. P. 22–25.
- ¹⁷ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. P. 2–3.
- ¹⁸ Habib H. *Politics and Government of Revolutionary Libya*. Ottawa, 1975. P. 176–177.
- ¹⁹ Saadany S. *Egypt and Libya from Inside, 1969–1976. The Qaddafi Revolution and the Eventual Break in Relations, by the Former Egyptian Ambassador to Libya*. Jefferson, 1994. P. 3–28.
- ²⁰ Ronen Y. Personalities and Politics: Qaddafi, Nasser, Sadat and Mubarak // *The Journal of North African Studies*. 2001. Vol. 6. № 3. P. 1–2.
- ²¹ Deeb M.-J. *Libya's Foreign Policy in North Africa*. Oxford, 1991. P. 53–59.
- ²² Егорин А.З. *Ливийская революция*. С. 53–54.
- ²³ Егорин А.З. *Муаммар Каддафи*. М., 2008. С. 70–73.
- ²⁴ Habib H. *Politics and Government of Revolutionary Libya*. P. 182–212.
- ²⁵ Егорин А.З. *Ливийская революция*. С. 74–75.
- ²⁶ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. P. 3.
- ²⁷ El-Khawas M. *Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice*. Brattleboro, 1986. P. 31–40; Sono T. *The Qaddafi Green Syndrome: Shaking the Foundations*. Langley Park, 1984. P. 35–39.

- ²⁸ Ayoub M. Islam and the Third Universal Theory: Religious Thought of Mu'ammar al-Qadhafi. L., 1987. 61–73; Joffe G. Islamic opposition in Libya // *Third World Quarterly*. Vol. 10. No. 2. P. 619–620; El-Khawas M. Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice. P. 84–86.
- ²⁹ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 9. С. 29.
- ³⁰ Егорин А.З. Муаммар Каддафи. С. 173–179.
- ³¹ Anderson L. Assessing Libya's Qaddafi // *Current History*. 1985. Vol. 84. № 502. P. 226.
- ³² Mattes H. Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case. P. 5–6.
- ³³ Blundy D., Lycett A. Qaddafi and The Libyan Revolution. Boston & Toronto, 1987. P. 138–139.
- ³⁴ Ibid. P. 11–13.
- ³⁵ Егорин А.З. Ливийская революция. С. 80–90.
- ³⁶ Shaked H., Ronen Y. Simmering Tension between Libya and Egypt (1954–1986) // *Conflict Management in the Middle East* / Ed. by G. Ben Dor and D. B. Dewitt. Lexington, 1988. P. 113–129.
- ³⁷ Лукьянов Г.В. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // *Исторический журнал: научные исследования*. 2012. № 5. С. 75–84.
- ³⁸ Vandewalle D. Libya since Independence: Oil and State-building. Ithaca, 1998. P. 185–190.
- ³⁹ Foltz W.J. Libya's Military Power. P. 52–73.
- ⁴⁰ Егорин А.З. Ливийская революция. С. 103–107.
- ⁴¹ Малашенко А.В. Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*. М., 1986. С. 70–78.
- ⁴² Бартнев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969–2008). М., 2009. С. 255–257.
- ⁴³ Stanik J. El Dorado Canyon: Reagan's Undeclared war with Qaddafi. Annapolis, 2003.
- ⁴⁴ El-Khawas M. Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice. P. 61.
- ⁴⁵ El-Kikhia M.O. Libya's Qaddafi: The Politics of Contradiction. P. 89–92.
- ⁴⁶ Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // *Middle East Policy*. 2011. Vol. 18. № 4. P. 140–154.
- ⁴⁷ Niblock T. «Pariah States» & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. L., 2011. P. 60–93.
- ⁴⁸ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны». С. 31–32.
- ⁴⁹ Mattes H. Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case. P. 3.
- ⁵⁰ Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution. P. 146.
- ⁵¹ Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23. № 2. P. 382.
- ⁵² Лукьянов Г.В. Организация и деятельность «арабских афганцев» в Ливии в 1990–1995 гг. // «Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М.Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г., Симферополь. Том I. Симферополь, 2014. С. 53–56.
- ⁵³ Смирнова Г.И. Ливия: от тотального госконтроля к либерализации экономики? М., 2011. С. 71–92.
- ⁵⁴ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны». С. 32.
- ⁵⁵ Там же. С. 33.
- ⁵⁶ Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011–2012 год. М., 2012. С. 52.
- ⁵⁷ Цыганок А.Д. Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. М., 2012. С. 21–30.

Научное издание

Нации и национализм на мусульманском Востоке

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор М.С. Грикурова
Корректор М.Я. Колесник
Верстка О.Н. Морозова

В подготовке рукописи к изданию принял участие В.И. Сотников

Бумага офсетная 80 гм². Формат 60х90^{1/16}
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 500 экз. Заказ № 761.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

Научно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарабьев
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо